

Документальные свидетельства Бориса Суварина о трагедии советских писателей

Т. С. Тайманова, Е. А. Легенькова

Для цитирования: Тайманова Т. С., Легенькова Е. А. Документальные свидетельства Бориса Суварина о трагедии советских писателей // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 277–292. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.117>

Статья посвящена анализу воспоминаний и документов из личного архива малоизвестного в нашей стране французского советолога, одного из основателей Французской коммунистической партии, историка Б. Суварина, отражающих трагические судьбы советских писателей, с которыми ему довелось встречаться. В начале 1920-х годов Суварин работал в III Интернационале в Москве и был вынужден уехать на Запад из-за своего острокритического отношения к сталинским методам социалистического строительства. Будучи очевидцем первых лет русской революции и проницательным наблюдателем постреволюционных событий, он оставил яркие свидетельства о советской истории в межвоенное двадцатилетие и принадлежит к тем немногим, кто не только очень рано понял лицемерие и жестокость тоталитарного режима, но и посвятил всю свою жизнь развенчанию советского мифа. Его капитальным трудом является книга «Сталин. Очерк истории большевизма» (1935). Работа над ней требовала изучения информации «из первых рук». Умея мастерски наблюдать, читать между строк и слышать, Суварин из второстепенных газетных статей и бесед с самыми разными людьми почерпнул факты, касающиеся СССР. Личное знакомство с советскими писателями — М. Горьким, И. Бабелем, Б. Пильняком, Е. Замятиным, Б. Пастернаком, И. Эренбургом — позволило ему обоснованно говорить о проблеме «писатель и власть» и положении писателя в СССР в очерках как ретроспективного, так и актуального характера, опубликованных в период холодной войны в журнале «Прев». Честный и проницательный анализ Б. Суварина существенно расширил границы знакомства западного читателя с советской литературой. В отличие от многих западных

Татьяна Соломоновна Тайманова — д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; t.taimanova@spbu.ru

Tat'iana S. Taimanova — Doctor in Philology, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; t.taimanova@spbu.ru

Елизавета Александровна Легенькова — канд. филол. наук, проф., Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Российская Федерация, 192236, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15; nemiron@inbox.ru

Elizaveta A. Legen'kova — PhD in Philology, Professor, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 15, ul. Fuchika, St. Petersburg, 192236, Russian Federation; nemiron@inbox.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (Российского фонда фундаментальных исследований), проект «Кросскультурная коммуникация между Россией и Францией 1920–1930-х годов: литература, публицистика, периодика», № 15-24-08001 АМ.

This research was supported by RFBR (Russian Foundation for Basic Research), project No. 15-24-08001 AM “Cross-cultural communication between Russia and France in 1920–1930: literature, journalism and periodical”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

советологов Б. Суварин умел различать власть и душимый ею народ. Критикуя режим, он смог рассказать западному читателю о литературной жизни, скрытой за налетом официоза, и тем самым послужил посредником в межкультурной коммуникации своего времени.

Ключевые слова: сталинизм, писатель и власть, советские писатели, критика режима, Б. Суварин, М. Горький, И. Бабель, И. Эренбург.

Documentary evidence by Boris Souvarine about the tragedy of Soviet writers

T. S. Taimanova, E. A. Legen'kova

For citation: Taimanova T. S., Legen'kova E. A. Documentary evidence by Boris Souvarine about the tragedy of Soviet writers. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, issue 1, pp. 277–292. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.117> (In Russian)

The article is devoted to the analysis of memoirs and documents from the personal archive of B. Souvarine, one of the founders of the French Communist Party, historian, French Sovietologist, known little in our country. In the early 1920's, Souvarine worked in the Third International in Moscow and was forced to leave for the West because of his bluntly critical attitude to the Stalin's methods of building socialism. Being an eyewitness of the early years of the Russian revolution and an astute observer of post-revolutionary events, he left vivid testimonies of Soviet history during the interwar twenties. Personal acquaintance with Soviet writers — Gorky, Babel, Pilnyak, Zamyatin, Pasternak, Ehrenburg — allowed him to soundly write about the problem of “writer and power” and the writers' situation in the USSR in his essays of both retrospective and actual type that he published in “Preuves” magazine during the period of the Cold War. Honest and insightful analysis by Souvarine significantly widened the boundaries of awareness of the Western reader about Soviet literature. Unlike many Western Sovietologists, Souvarine was able to distinguish between the ruling power and people strangled by it. By criticizing the regime and all the horrors associated with it, he was able to tell the Western reader about the literary life hidden behind the raids of officialdom; this way he served as a mediator in the intercultural communication of his time.

Keywords: Stalinism, writer and power, Soviet writers, regime criticism, B. Souvarine, M. Gorky, I. Babel, I. Ehrenburg.

«К вам, писатели мира, обращены наши слова. Чем объяснить, что вы, прозорливцы, проникающие в глубины души человеческой, в душу эпох и народов, проходите мимо нас, русских, обречённых грызть цепи страшной тюрьмы, воздвигнутой слову? Почему вы, воспитанные также и на творениях наших гениев слова, молчите, когда в великой стране идёт удушение великой литературы в её зрелых плодах и её зародышах?» — так начиналось воззвание российских писателей, опубликованное в эмигрантской газете «Последние новости» в Париже 10 июля 1927 г.¹ Пафос письма заключался в том, что его авторы призывали западную общественность, в особенности европейских писателей, раскрыть глаза самим себе и всему миру на то, что на самом деле происходит в стране Советов. С горечью и надеждой они писали: «Или вы не знаете о нашей тюрьме для слова — о коммунистической цензуре во второй четверти XX века, о цензуре “социалистического государства”?»

¹ Цит. по: Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 2001. С. 272–273.

<...> Но почему же писатели, посетившие Россию <...>, вернувшись домой, ничего не сообщили о ней? Или их не интересовало положение печати в России? Или они смотрели и не видели, видели и не поняли?»² Действительно, тех, кто видел, было достаточно: советское государство в год десятилетия революции активно организовывало показательные поездки для зарубежных деятелей культуры. Однако тех, кто смог и захотел понять, понял и заговорил о своих открытиях, было мало. К ним принадлежал и Борис Суварин.

Сын киевского еврея Калмана Лившица, эмигрировавшего в Париж в 1900 г., Борис заинтересовался рабочим движением и в 1914 г. вступил во французскую секцию Социалистического рабочего интернационала. В ноябре 1917 г. Суварин так оценивал первые шаги большевиков, захвативших власть в России: «Есть основания опасаться, что для Ленина и его друзей “диктатура пролетариата” является диктатурой большевиков и их вождя. <...> Это может обернуться несчастьем для русского рабочего класса, а следовательно, и для мирового пролетариата. Хотелось бы пожелать, чтобы социалисты объединились для создания организации с твердой властью, которая стала бы действительно властью народа, а не властью одного человека»³.

В 1921 г. Суварин был откомандирован в Москву в аппарат Интернационала и провел там около трех лет. Он много ездил, встречался с рабочими, писателями, интеллигенцией. Он пытался открыть глаза своим коллегам по Коминтерну, ослепленным идеей революции, претворенной в жизнь. Французский коммунист Марсель Боди вспоминал: «Виктор Серж и я, мы были поражены зрелостью его мысли и тем влиянием, которое он имел на французскую делегацию»⁴.

В эти годы критическое отношение Суварина к большевизму прогрессирует. 6 февраля 1924 г. он пишет Зиновьеву: «Существует множество фактов, которые я считаю недопустимыми в российской Партии и в советской жизни в целом»⁵. 4 апреля на заседании федерации Сены, регионального отделения французской Коммунистической партии, он откровенно заявляет: «Есть что-то гнилое в Партии и в Интернационале»⁶. Не удивительно, что в 1924 г. он был снят со своих постов в Коминтерне и исключен из Французской компартии. Один из первых отступников от большевизма стал одним самых неумолимых и пронизательных его разоблачителей.

В январе 1925 г. Суварин успел вернуться во Францию, сумев избежать ареста. Уже в Париже он продолжал беседовать и переписываться с видными деятелями международного коммунистического движения, сохраняя связи с русскими товарищами. Как корреспонденту во Франции Института Маркса — Энгельса Давид Рязанов, его первый директор, поручал Суварину приобретение редких книг и архивов коммунистических и социалистических течений⁷. Известна роль Суварина

² Там же. С. 273.

³ Цит. по: Les Vies de Boris Souvarine // Critique Sociale. 2008. No. 2. Novembre. URL: http://www.critique-sociale.info/67/les-vies-de-boris-souvarine/_ftn2 (accessed 10.10.2017). — Здесь и далее перевод цитат на русский язык принадлежит авторам статьи.

⁴ Ibid.

⁵ Цит. по: Panné J.-L. Boris Souvarine: le premier désenchanté du communisme. Paris, 1993. P. 137.

⁶ Цит. по: Ibid. P. 142.

⁷ Давид Рязанов (1870–1938) поплатился за свою свободу в выборе корреспондентов: в 1931 г. был арестован, исключен из партии, снят со всех постов, исключен из Академии наук

в приобретении рукописей Гракха Бабефа. Так Суварин увлекся приобретением и сохранением архивов рабочего движения⁸, часть которых вошла в его личную коллекцию.

В конце 1920-х годов Суварин начинает общую с Панайотом Истрати и Виктором Сержем работу над трехтомным трудом о советской России «К другому пламени» (1929)⁹.

Суварин был не только одним из очевидцев развития русской революции, но и проницательным наблюдателем постреволюционных событий, оставившим яркие свидетельства о советской истории в межвоенное двадцатилетие. На Западе Суварина квалифицируют как историка, исследователя международного коммунистического движения, опубликовавшего завещание Ленина, и как политического аналитика, первым предсказавшего пакт Молотова — Риббентропа за сто дней до его подписания¹⁰.

В течение многих лет Суварин был издателем различных общественно-политических журналов, стремясь дать себе и своим единомышленникам возможность говорить правду. Он также печатался в других периодических изданиях, не пренебрегая никакой трибуной. «“Психологическому оружию” СССР он противопоставляет “оружие правды”, проверяя каждую написанную по приказу Кремля советскую “фальшивку”, цель которой — вернуть блеск образу Отца народов»¹¹.

Суварин не был ни литератором, ни литературным критиком, но в центре его внимания всегда находилась проблема «писатель и власть», касающаяся положения писателей в СССР. В журнале «Прев» (фр. «Доказательства»), входившем в группу европейских журналов, концентрировавшихся на анализе тоталитаризма¹², Суварин опубликовал серию очерков, посвященных судьбе советских писателей и воспоминаниям о встречах с ними, в частности о Пастернаке, Замiatине, Эренбурге, Пильняке, Горьком. В статье «Бедственное положение советской литературы» («Mi-

СССР. Впоследствии вновь был арестован и 21 января 1938 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорен по ст. 58, § 8, 11 УК РСФСР к расстрелу. В тот же день расстрелян в Саратове. Реабилитирован 22 марта 1958 г. Его трагическая судьба имела международный резонанс, — в частности, в его защиту в связи с первым арестом выступали французские левые интеллектуалы, а Б. Суварин опубликовал статью во втором номере своего журнала «Критик социаль» («La Critique sociale»), выходившего в Париже с марта 1931 по март 1934 г. См.: *La Critique sociale: Revue des idées et des livres*. 1983. No. 2. P. 49–50.

⁸ Части архива Б. Суварина в силу разных обстоятельств находятся в США, Франции, Голландии, Швейцарии и Японии. Авторы данной статьи имели возможность познакомиться с документами из личного архива Б. Суварина, хранящимися в Париже и Женеве.

⁹ См.: Тайманова Т. С., Легенькова Е. А. Кто автор «Обнаженной России»? // Новейшая история России. 2012. № 3 (05).

¹⁰ Статья Суварина «Решающая партия разыгрывается между Гитлером и Сталиным» («Une partie serrée se joue entre Hitler et Staline») была опубликована в газете «Фигаро» 7 мая 1939 г. См.: *Durandin G. Les protocoles “annexes” du pacte germano-soviétique: Un secret entretenu pendant cinquante ans // Historiens&Géographes*. 2003. No. 382. Mars. URL: <http://www.diploweb.com/forum/gdurandin2.pdf> (accessed 10.10.2017).

¹¹ *Chebel d'Appollonia A. Histoire politique des intellectuels en France (1944–1954)*. In 2 vols. Vol. 2. Bruxelles, 1991. P. 91.

¹² «Der Monat» (Германия), «Forum» (Австрия), «Encounter» (Великобритания), «Tempo Presente» (Италия). Созданы как противовес деятельности Коминформа, или Коминформбюро, — международной коммунистической организации (1947–1956), в которую входили СССР, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия, Франция, Италия и др. См.: *Marcou L. Le Kominform*. Paris, 1977.

sère de la littérature soviétique»; опубликована в газете «Фигаро» 1–2 мая 1937 г.) он пишет: «Говорить в настоящее время о советской литературе — значит произносить надгробную речь. В ней отражаются сумерки революции. Беда этой литературы, пришедшей в упадок, так и не успев расцвести, — явление не самостоятельное. Чтобы понять ее, нужно изучить проблему истории России в комплексе»¹³.

Суварин преследует цель, близкую к той, которую ставил перед собой русский и советский литературовед и критик Р. В. Иванов-Разумник в книге «Писательские судьбы» (1942–1943), опубликованной посмертно в Нью-Йорке в 1951 г.¹⁴ Иванов-Разумник, проводивший большую часть межвоенного двадцатилетия в советских тюрьмах¹⁵, говорит об истреблении литературы в советской России, приводя имена жертв и известные ему сведения об их кончине, и классифицирует писателей на «погибших», «задушенных» и «приспособившихся». Как литературный критик он проводит мысль о том, что цветом советской литературы были писатели старшего поколения, начинавшие свой путь еще до революции.

Суварин пользуется книгой Иванова-Разумника при работе над статьями в «Прев» и ссылается на него. Приводимый Сувариным список репрессированных советских писателей в разы превышает «синодик» его предшественника. Оба, понимая неравноценность загубленных талантов, подчеркивают человеческий трагизм их гибели. На свой собственный вопрос, стоит ли говорить о судьбах писателей, Иванов-Разумник отвечает: «Стоит, ибо судьба русских писателей минувшей четверти века была трагичной <...> Стоит, ибо писательские судьбы в Стране Советов за четверть века отражают в себе судьбы целого народа»¹⁶. Суварин в своем бесконечном мартирологе пишет: «Список пропавших без вести писателей был бы, конечно, длинным некрологом. (В этой статье имена даны без различия их значения для литературы; многие из них — третье- и четверторазрядные авторы <...>, но с человеческой точки зрения это дела не меняет.)»¹⁷. В числе писателей, судьбами которых интересовался Суварин, были Горький и Бабель, чьи имена, как известно, тесно связаны. Именно благодаря Горькому, несмотря на злобную критику Буденным «Конармии» и явную антипатию Сталина, Бабелю удавалось несколько лет жить в относительной безопасности в России, печататься и даже выезжать на Запад.

В 1930 г. Суварин по заказу американского издателя А. Кнопфа приступил к работе над книгой «Сталин». В предисловии к ее французскому изданию он пишет, что «тогдашние библиотеки во Франции ничем не могли помочь автору в исследовании этой темы, и ему приходилось рассчитывать только на самого себя. Соответствующей документации почти не было, и ее трудоемкие поиски требовали больше времени, чем само написание книги»¹⁸. Суварин стремился получить информацию «из первых рук», используя, в частности, свои встречи с бывавшим в те годы в Па-

¹³ Souvarine B. Tragédie des lettres russes / préface, présentation et notes de J.-L. Panné. Paris, 2014. P. 70.

¹⁴ Иванов-Разумник Р. Писательские судьбы. Нью-Йорк, 1951.

¹⁵ Иванов-Разумник Р. Тюремные ссылки. Нью-Йорк, 1953.

¹⁶ Иванов-Разумник Р. Писательские судьбы. С. 3–4.

¹⁷ Souvarine B. Tragédie des lettres russes. P. 94.

¹⁸ Souvarine B. Staline: Aperçu Historique du bolchévisme. Paris, 1992. P. 11.

риже Бабелем. Воспоминания об этом опубликованы в американском ежеквартальном политико-культурологическом журнале левого толка «Диссент»¹⁹.

В 1920-е годы близкие родственники Бабеля жили в Европе. Сам Бабель между 1927 и 1928 г. тоже жил на Западе, а затем сумел с большим трудом приехать туда только в 1932 г., будучи уже на плохом счету у советской власти и почти не публикуясь. Именно в этот приезд Бабеля в Париж Суварин часто встречался с ним. Во время их бесед Суварин ничего не записывал, полагаясь на свою феноменальную память. Речь шла и о литературе, и о политике. Суварин наслаждался тонкостью и яркостью высказываний Бабеля о Париже и о Франции. Поняв, что эти беседы могут помочь ему в работе над «Сталиным», Суварин стал вести записи, чудом сохранившиеся у друзей в провинции, так как парижская квартира Суварина неоднократно подвергалась обыскам, в которых, по его едкому замечанию, «трогательно сотрудничали гестапо и ГПУ».²⁰ Перечитывая эти своеобразные интервью, Суварин слышал интонации, видел мимику и красноречивые взгляды своего собеседника.

Первая беседа датирована 18 октября 1932 г. Зная о связи Бабеля с Горьким, Ворошиловым и другими «относительно хорошо осведомленными крупными тузами»²¹, Суварин расспрашивал его о Сталине. Бабель отвечал короткими фразами, флегматично. Сейчас нет ничего нового в характеристиках, которые Бабель давал Сталину. Интересны общая тональность, конкретные примеры, дух эпохи: например, рассказ об отъезде Сталина на Кавказ в трудный для экономики период: Бабель передает реакцию народа прямой нецензурной речью, отсутствовавшей в русском лексиконе Суварина²². Также Суварин приводит характеристики, которые Бабель дал Горькому (поразительная память, разнообразные и широкие знания) и Кагановичу (работяга, все схватывает на лету, на тот момент, в дополнение к своим официальным обязанностям, был —цензором Художественного театра). Бабель рисует мрачную атмосферу, царившую во властных кругах того времени. На вопросы о Пятакове, Преображенском, Серебрякове он односложно и безнадежно бросает: «Пьет»²³. Бабель опровергает предположение Суварина о негативной роли Горького в гонениях на РАПП, уточнив, что Сталин все решает сам, и в лицах описывает, как Сталин вызывал для разговора Авербаха и Безыменского и, чтобы разговорить, заставлял их пить.

Следующая заметка относится к 21 октября 1932 г. Разговор шел о военной угрозе. Суварин упомянул Тухачевского, недавно ставшего маршалом Советского Союза. Бабель, прекрасно ориентируясь в интригах военного руководства, ответил: «Ему дали звание вопреки решительной оппозиции Клина. Горький пьяница. И бабник. Четыре или пять женщин в Ленинграде, столько же квартир... Член партии, но скорее для отвода глаз. Это военный-теоретик»²⁴. Он пояснил, что у героев Гражданской войны сейчас плохая репутация, так как пришло время теоретиков. Есть только два выдающихся лидера: Путна и Федько. И в случае войны — надежда на грамотных полководцев, которые прошли через немецкие военные академии.

¹⁹ Souvarine B. Last Conversations with Isaac Babel // Dissent. 1982. Summer.

²⁰ Ibid. P. 319–320.

²¹ Ibid. P. 320.

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. P. 321.

Про Буденного писатель сказал: «Больше не существует. Он подавлен. Убил свою жену и женился на буржуазке. Теперь боится неприятностей»²⁵.

На острый вопрос Суварина о масштабах политических репрессий Бабель ответил, что около 10 тыс. троцкистов выслано или арестовано, осталось около полутора-двух тысяч, а общее количество высланных — около трех миллионов. По поводу гибели жены Буденного пояснил, что тот «обвинил ее в троцкизме»²⁶. Суварин подчеркивает, что Бабель говорил невозмутимо и снисходительно, как бы давая понять, что у него дома такие дела в порядке вещей. Суварин напоминает, что разговор происходил в 1932 г., а массовые репрессии и серийные, «фантастического масштаба» убийства невинных начнутся только в 1934 г., после убийства Кирова, «заказанного (по убеждению Суварина. — Т. Т., Е. Л.) Сталиным»²⁷.

В беседах с Бабелем Суварин постоянно возвращался к разговору о Сталине и узнал от него массу фактов: о знаменитых проверках, которые Сталин устраивал своим подчиненным, хорошенько их подпоив, о его казуистических методах, скрытности и хитрости. Вот что он рассказал Суварину о вожде 21 октября 1932 г.: «С недавних пор он решил держать рот на замке, чтобы не дать повода для критики в дальнейшем, а также чтобы давить на свое окружение, заставляя людей гадать, что же он думает на самом деле. Каковы его истинные намерения. Таким образом, он всегда может все свалить на своих подчиненных, которые отклонились от главной линии, и имеет возможность как одобрить, так и не признавать то, что уже сделано»²⁸. Тогда же Суварин спросил Бабеля, грядут ли какие-то перемены, и тот односложно ответил: «Война». А про верховного главнокомандующего тоже сказал односложно: «Путна»²⁹. Такому ответу Суварин придал особое значение, считая, что это не личное мнение Бабеля, а мнение военных лидеров, с которыми тот был связан, и, в частности, его друга Якира. 23 октября 1932 г. снова состоялся разговор о Сталине. Бабель рассказал популярный советский анекдот, уже известный Суварину, о том, как Сталин угрожал Крупской назначить вдовой Ленина Артюхину.

Иногда у Бабеля в характеристиках вождя проскальзывало некое восхищение, замешенное на сарказме: как Сталин умеет все предусмотреть, как он хитер. Известный критик и литературовед Б. Сарнов, прочитав воспоминания Суварина о встречах с Бабелем, прекрасно уловил специфику бабелевских высказываний: «Никаких политических разоблачений Сталина в этих бабелевских откровениях не было. Но тут интересен даже не смысл, а тональность, в которой Исаак Эммануилович рассказывал своему парижскому собеседнику о вожде. Тональность эта не оставляла сомнений в том, что вождь ему *не нравится*. Дело тут, — как, впрочем, и во всех других известных нам высказываниях Бабеля о Сталине, — было не в том, что в них, так или иначе, выразилось его неприязненное отношение к вождю, а в том, что он СТАЛИНА РАСКУСИЛ. В отличие от многих своих высоколобых современников он Сталина ПОНЯЛ»³⁰.

²⁵ Ibid. P. 322.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. P. 323.

²⁹ Ibid.

³⁰ Сарнов Б. Сталин и Бабель // Октябрь. 2010. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2010/9/sa12-pr.html> (дата обращения: 10.10.2017).

В книге «Сталин. Критическое исследование большевизма» нет явных или скрытых цитат из высказываний Бабеля, она написана достаточно сухим языком. Однако некоторые выводы Суварина перекликаются с конкретными примерами, приведенными Бабелем. Так, Суварин полагает, что Сталиным всегда движет «интуитивный макиавеллизм, причем часто самой низкой пробы. <...> Для него нет секретов в искусстве скрывать свои мысли, он равно искусен как в умении скрывать, так и в умении провоцировать: в 1932 году он уезжает на несколько месяцев и потворствует распространению слухов о своей скорой отставке, чтобы дезориентировать своих врагов...»³¹

Созданию книги «Сталин» послужили беседы и переписка Суварина со множеством людей, на которых он не ссылаясь, отчасти оберегая эти источники, отчасти по сложившейся в то время компилятивной манере писать исторические исследования «на злобу дня», используя журналистские приемы³².

В 1933 г. Бабель проводит какое-то время в Италии с Горьким, затем — в Париже и Брюсселе с семьей. В сентябре он возвращается в Москву. На следующий год в августе состоится первый съезд Союза советских писателей. Бабель, не имеющий права молчать, ловко выходит из положения, говоря, что так уважает советского читателя, что немеет и замолкает³³. Это не спасает, его не включают в советскую делегацию, направленную на Конгресс писателей в защиту мира и культуры 1935 г. Но из Франции приходят письма известных западных писателей, и Бабеля в последний раз дают выездную визу.

Летом 1935 г. состоялись последние встречи Бабеля и Суварина. Книга о Сталине закончена, и Суварин уже не записывает подробно все, что говорит Бабель, но какие-то заметки все же делает, что позволяет ему воспроизвести один из последних разговоров, касающийся литературного творчества при Сталине, а не личности вождя. На вопрос Суварина, появляются ли в СССР новые достойные произведения литературы, публикации которых мешает политическая ситуация, Бабель, который в ту пору сам уже практически ничего не печатал, с горьким сарказмом отвечает: «Ну еще бы! Они все в ГПУ... <...> когда арестовывают интеллигента и сажают его в тюрьму, ему дают бумагу и ручку и говорят: пиши!»³⁴ Горечь этой иронии в полной мере подтвердилась судьбой самого Бабеля. Как пишет В. Шенталинский, «его признания, написанные от руки или запротоколированные, представляют собой некие мемуары, и, если отделить правду ото лжи (а они отделяются, как масло от молока), Бабель рассказывает много правдивого и интересного о своей эпохе и о себе самом»³⁵. Действительно, Бабель в своих показаниях писал о своих встречах и с политическими деятелями, и с советскими писателями, и с троцкистами, и с меньшевиками в среде русской эмиграции во Франции, и с французскими писателями во время Конгресса в защиту мира и культуры в Париже. Упомянул он

³¹ Souvarine B. Staline... P. 484–485.

³² См.: Грибанов А. Борис Николаевский — Исаак Бабель — Борис Суварин и некоторые проблемы эмигрантской журналистики // Тыняновский сборник. Вып. 11. Девятые Тыняновские чтения. М., 2002.

³³ Бабель И. Э. Речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей // Бабель И. Э. Собр. соч. В 4 т. Т. 3. М., 2005. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/babel-ss04-03/babel-ss04-03.html#comm003> (дата обращения: 10.10.2017).

³⁴ Souvarine B. Last Conversations with Isaac Babel. P. 324–325.

³⁵ Chentalinski V. La parole ressuscitée: Dans les archives littéraires du K. G. B. Paris, 1993. P. 45.

и о своих встречах с Сувориным. Во время суда судьи ссылались на это, обвиняя его в связи с врагами советского режима. Бабель, однако, возражал, что не был в курсе враждебного отношения Суварина к Советскому Союзу³⁶.

Конечно, возникает вопрос: могли ли эти встречи и более чем откровенные высказывания Бабеля в беседах с Сувориным сыграть роковую роль в судьбе писателя? Ведь Суварин вел записи, которые чудом сохранились. Вопрос остается риторическим. В любом случае к 1930-м годам фигура Суварина стала в советской России в высшей степени одиозной, чему способствовали и его выступления, и поддержка троцкизма, и книга «Обнаженная Россия» (1929)³⁷, и, конечно же, книга «Сталин», которая, по словам самого Суварина, была переведена на русский язык в единственном экземпляре исключительно для Сталина³⁸. К сожалению, судьба этого экземпляра пока неизвестна.

Еще в 1932 г. на вопрос Суварина «Кто, по вашему, написал бы лучшую книгу о Сталине?» Бабель ответил: «Горький»³⁹. Для Суварина, сотрудничавшего в «Новой жизни» Горького с 1917 г., фигура издателя этой газеты имела особое значение.

В архивную коллекцию Суварина, хранящуюся в библиотеке Женевского института международных отношений и развития, входит архив Екатерины Дмитриевны Кусковой. В нем есть папка с вырезками из эмигрантской прессы, касающимися Горького⁴⁰. Статьи посвящены в основном одному вопросу: что случилось с Горьким? Почему он стал, как пишет в одной из статей русский писатель-эмигрант Борис Зайцев, «проданным человеком»⁴¹? Сама Кускова, знавшая Горького около 40 лет, предваряет эту папку следующей запиской: «В одной из этих статей есть письмо Ал. М. ко мне, когда мы были уже в ссоре и я перестала для него быть “дорогой”... Это письмо переведено на много языков, так как оно заинтересовало публику, недоумевавшую, почему “певец свободы” Горький идет с коммунистами»⁴². В этом письме от 22 января 1929 г. Горький объясняет свою позицию, говоря о новой правде, к которой стремится советский человек: «Ему не нужна та мелкая проклятая правда, среди которой он живет, — ему необходимо утверждение той правды, которую он сам создает. Он ее создаст и утвердит на своей земле»⁴³.

Отношение Суварина к Горькому было неоднозначным. «Максим Горький как писатель <...> известен во всем мире. Максим Горький — социалист — известностью не пользуется»⁴⁴, — говорится в посвященной ему статье 1920 г. Суварин ценил в Горьком мыслителя, пишущего о своем времени. В книге «Сталин. Критическое исследование большевизма» автор, анализируя предпосылки и исторические коллизии, которые привели Сталина к власти и превратили Россию в тоталитарное государство, обильно цитирует Горького — когда нуждается в ярких и емких обобщениях.

³⁶ Ibid. P. 94.

³⁷ Istrati P. Vers l'autre flamme: La Russie nue. 17-e éd. Paris, 1929. — Об истории создания этой книги см.: Souvarine B. Panait Istrati — Portrait of a Rebel // Dissent. 1982. Summer.

³⁸ Souvarine B. Staline... P. 14.

³⁹ Souvarine B. Last Conversations with Isaac Babel. P. 324.

⁴⁰ Graduate Institute of International and Development Studies. BS 20/1/2. Press clippings with articles about Gorki 1924–1938.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Souvarine B. Les grandes figures de l'Internationale: Maxime Gorki // Clarté. 1920. 10 janvier. No. 8. P. 1, col. 3–4.

Суварин часто ссылается на Горького, описывая ту или иную ситуацию, складывающуюся в России как в предреволюционный период, так и в 1920–30-е годы, причем ссылается на того раннего Горького, про которого впоследствии многие забыли и который сам создал миф о пролетарском писателе. На это Суварин указывает, в частности, в статье «Горький, цензура и евреи», где пишет: «Смерть Ленина в 1924 г. повлекла за собой появление в Советском Союзе целого потока апологий, мемуаров, панегириков, ничуть не менее искренних от того, что их авторы критиковали Ленина прежде. Среди них был Горький, который написал множество трогательных страниц, отдавая дань Ленину»⁴⁵. С горечью Суварин замечает, что Горький «сплотился с режимом, который прежде так жестко критиковал»⁴⁶. Но статья посвящена как раз тому, что это «сплочение» было поверхностным, и режим корректировал при помощи цензуры того Горького, который ему не подходил. Так, из 30-томного академического собрания сочинений Горького (1948–1956 гг.) и последующих изданий цензура изъяла тексты, касающиеся еврейского вопроса: из статьи «О русском крестьянстве» выброшен страстный пассаж о погромах, не вошли в собрание сочинений статья о черносотенцах, опубликованная сначала в Берне, а затем в Женеве в журнале «Новый колос», лекция «О евреях», прочитанная в Нью-Йорке в 1906 г., памфлет «О сионизме», напечатанный «Правдой» в 1907 г., и многое другое. По мнению Суварина, цензурные вырезки по этому вопросу могли бы составить целый том в 200–300 страниц. Поработала цензура и над текстами Горького о русской революции, опубликованными в 1917–1918 гг. в «Новой жизни». Именно эти тексты Суварин обильно цитирует в «Сталине», описывая раскол левой интеллигенции в главе «Гражданская война». В частности, он цитирует «Несвоевременные мысли», где Горький пишет о большевиках, «отравленных ядом власти», об их отказе от свободы слова и всех тех «прав, за торжество которых боролась демократия»⁴⁷. В «Новой жизни» Горький вскоре после переворота 1917 г. называет большевиков «слепыми фанатиками» и «бессовестными авантюристами», а большевизм — «национальной катастрофой» и обвиняет Ленина в нечаевщине и анархизме в духе Бакунина⁴⁸. Суварин цитирует также слова Горького о том, что октябрьский переворот — это эксперимент, за который заплачено кровью пролетариата и который приведет к раздуванию пожара революции во всем мире⁴⁹.

В ужасах Гражданской войны — расстрелах заложников, сожженных деревнях, грабежах, репрессиях, виселицах и пытках — Суварин видит общие черты террора, присущие войнам и революциям любой эпохи и страны. В подтверждение он приводит слова Жореса: «Революции — это варварская форма прогресса <...> она всегда принадлежит к низшей и полуживотной эпохе человечества», а также слова Бабефа, писавшего о своих современниках: «Властители, вместо того чтобы приобщить нас к культуре и цивилизации, превратили нас в варваров, потому что сами таковыми являются»⁵⁰, цитирует и Горького, который в «Восстании рабов» писал:

⁴⁵ Souvarine B. Gorky, Censorship and the Jews // Dissent. 1965. Vol. 12, no. 1. January. P. 83.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Souvarine B. Staline... P. 181 (здесь и далее Суварин цитирует Горького по изд.: Gorki M. *Pensées intempestives: 1917–1918* / ed. by H. Ermolaev; transl. by S. Drablier, L. Nivat. Lausanne, 1975).

⁴⁸ Souvarine B. Staline... P. 181.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Цит. по: Ibid. P. 443.

«Народ, которого пинали полицейские, будет способен, в свою очередь, шагать по телам других <...> нельзя требовать справедливости от того, кто ее не познал»⁵¹.

В главах о крестьянстве, политическом и социальном невежестве молодежи, о необходимости не только социальной, но и моральной революции, о наследии, которое получила страна от царизма, Суварин резюмирует свои мысли афористичными словами Горького, например: «Революция низвергла монархию, но, может быть, она только загнала внутрь организма накожную болезнь»⁵². Подчеркнув, что Горький писал это в 1917 г., Суварин так характеризует писателя: «слабый теоретик, но эссеист, обладающий интуицией, и поэтому — пророк»⁵³. Тем самым автор, по-видимому, невольно повторил замечательную мысль, высказанную в 1905 г. известным французским поэтом и философом Ш. Пеги, который писал: «...лишь поэту свойственно, лишь поэту дано одним словом выразить... объять подлинную суть происходящего, глубинную суть истории»⁵⁴.

В годы хрущевской «оттепели» Суварин вновь обращается к судьбам советской литературы. В статье «Ни правды, ни справедливости», посвященной А. Воронскому и литературной борьбе 1920–1930-х годов, Суварин анализирует отношение партии к правде: «Не меняется отношение партии к главному — уважению к правде. Ложь так же дискредитирует реабилитации, как она в свое время оправдывала гнусность репрессий. “Репрессированная” или “реабилитированная” жертва не имеет права на правду»⁵⁵.

Еще в большей степени мысль о неполноценности и лживости реабилитаций этого времени развивается в статье о Б. Пильняке (опубликована в «Прев» в феврале 1965 г.)⁵⁶. Для Суварина Пильняк, с которым он был лично знаком, — фигура исключительная. «Голый год», опубликованный в 1922 г., пишет Суварин, «ознаменовал новую фазу в истории русской литературы»⁵⁷, это было первое поистине советское произведение в хорошем смысле слова, не поддающееся классификации, свежее и новаторское. По-видимому, он имеет в виду то, что назовут в дальнейшем экспрессионизмом и орнаментальной прозой Пильняка. Суварин негодует, что реабилитация Пильняка заключалась лишь в публикации в журнале «Москва» в мае 1964 г. фрагмента из «Соляного амбара» с примечанием: «В годы сталинского культа личности Борис Пильняк подвергся необоснованным клеветническим обвинениям, и жизнь его завершилась трагически»⁵⁸. Суварин подчеркивает, что истинная реабилитация подразумевает расследование и предание гласности всего, что было связано с этой трагедией: где и когда погиб Пильняк, где его могила, что стало с его семьей и т. д. То же касается «реабилитации» Бабеля, Воронского и многих других.

Среди бумаг Суварина, хранящихся в основанном им Международном институте социальной истории, есть папка с документами, касающимися Ильи Эрен-

⁵¹ Ibid. P. 226.

⁵² Цит. по: Ibid. P. 417.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ *Peguy Ch. Œuvres en prose complètes. En 3 vol. Vol. 2. Paris, 1988. P. 343.*

⁵⁵ *Souvarine B. Tragédie des lettres russes. P. 193.*

⁵⁶ Например, «Повесть непогашенной луны» (1926) оставалась запрещенной до 1987 г.

⁵⁷ *Souvarine B. Tragédie des lettres russes. P. 224.*

⁵⁸ Ibid. P. 225.

бурга⁵⁹. Помимо фотокопии текста воспоминаний писателя, там хранится перевод подчеркнутых мест из его книги «Люди. Годы. Жизнь», перепечатки статей, вырезки и рукописные заметки Б. Суварина за 1950–1967 гг. Также там есть машинописная копия на русском языке рассказов Эренбурга. Как всегда, начиная работу над той или иной статьей, Суварин тщательно собирал документацию и серьезно готовился к новой работе. В частности, для характеристики творчества Эренбурга он обратился к суровым суждениям Иванова-Разумника.

Статья Суварина «Мемуары Эренбурга» («*Les mémoires d'Ehrenbourg*»)⁶⁰ посвящена анализу культовых в 1960-е годы XX в. воспоминаний И. Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь», которые он оценивает резко негативно. В рецензии рассматривается первый том, охватывающий хорошо знакомый самому Суварину период с конца XIX в. до 1933 г. Этим, вероятно, объясняется та дотошность и даже предвзятость, с которой он судит книгу Эренбурга, ведь он участвовал в тех же событиях, бывал в тех же местах, встречался с теми же людьми, что и автор мемуаров. В центре внимания — весьма неоднозначная личность Эренбурга, воспринимавшегося на Западе как агент влияния Кремля. Суварин адресует ему много упреков в самолюбовании, избыточности имен знаменитостей, связь которых с автором воспоминаний заключается лишь в том, что они случайно встретились на его пути, и поэтому знакомство с ними весьма поверхностно, обрисовано по принципу «я и знаменитость». В своих упреках Суварин старается не быть голословным и опирается на факты: упоминание Эренбургом беседы с Ш. Пеги в его лавке «Двухнедельные тетради», рассказ о промелькнувшем перед глазами мемуариста А. Жиде на спектакле в театре «Вье Коломбье», об А. Франсе на набережной Сены у букинистов... Упрекает Суварин Эренбурга и в недобросовестном освещении событий, подтасовке дат, как, например, в случае с датировкой знакомства французских читателей со знаменитой статьей Р. Роллана «Над схваткой» («*Au-dessus de la mêlée*»). Эренбург пишет, что прочитал ее сразу же после выхода в свет, т.е. осенью 1914 г., но, по утверждению Суварина, она стала доступной во Франции лишь после появления памфлета А. Массиса «Ромен Роллан против Франции» («*Romain Rolland contre la France*») с приложением самой статьи. Это, в частности, подтверждается перепиской Ш. Вильдрака и Ж. Дюамеля⁶¹.

Анализируя мемуары Эренбурга, Суварин подходит к ним как к безусловно историческому документу, без учета особенностей жанра, требует абсолютной фактографической точности, объективности и не допускает права на авторский вымысел или субъективное видение. Поэтому он недоумевает, зачем дату своего рождения 14 января 1891 г. мемуарист вписывает в подробную череду исторических событий: «Россией правил Александр III. На троне Великобритании сидела

⁵⁹ Boris Souvarine Papers : Content list. URL: <http://search.socialhistory.org/Record/ARCH01365/ArchiveContentList> (дата обращения: 10.10.2017).

⁶⁰ *Souvarine B. Tragédie des lettres russes*. P. 157–180.

⁶¹ Статья «Над схваткой» вышла 22–23 сентября 1914 г. в «Журналь де Женев» («*Journal de Genève*»). Но о ней Дюамель, например, узнал только летом 1915 г., когда ему прислали памфлет А. Массиса «Ромен Роллан против Франции» (опубликован в Париже в июле 1915 г.), к которому прилагался полный текст статьи Роллана. Издание отдельной книгой — в декабре 1915 г. (*Roland R. Au-dessus de la mêlée*. Paris, 1915). В этом издании первая публикация статьи самим Р. Ролланом датируется 15 сентября 1914 г. См.: *Vildrac Ch. Correspondances*. Paris, 1995. P. 100–101, 108–110 (*Les Cahiers de l'Abbaye de Crèteil*. Nouvelle série. Vol. 16).

императрица Виктория, хорошо помнившая осаду Севастополя, речи Гладстона, усмирение Индии... Еще жили герои драм и фарсов прошлого столетия — Бисмарк, генерал Галифе... Еще работали Пастер и Сеченов, Мопассан и Верлен, Чайковский и Верди, Ибсен и Уитмен, Нобель и Луиза Мишель. В 1891 г. умерли Рембо и Гончаров. Если представить себе сейчас 1891 год, мир внешне настолько изменился, что, кажется, прошла не одна человеческая жизнь, а несколько столетий»⁶², и объясняет это лишь тщеславными устремлениями автора уравнивать значимость своего рождения с историческими событиями явно иного масштаба.

Подобные упреки, основанные на отрицании дистанции между автором и автобиографическим героем и не учитывающие специфики исторического и личного времени в мемуарах, часто предъявляются их авторам, но в статье Суварина есть и нечто особенное, отличающее всю его публицистику, связанную с происходившим в СССР в период «оттепели» (напомним, что сам термин «оттепель» получил широкое распространение в середине XX в. в СССР для характеристики периода правления Н. С. Хрущева благодаря И. Эренбургу и его одноименному роману 1954 г.). Это убежденность Суварина в том, что правление Хрущева — продолжение тоталитарного режима, вопреки создаваемой в СССР видимости либерализации и отхода от сталинизма. Его убежденность строилась на том, что полуправда, половинчатость политики реабилитации и возвращения в культурное поле творчества ранее запрещенных и репрессированных деятелей культуры подрывала все надежды на превращение «оттепели» в «весну», так как молодому поколению, появившемуся уже после смерти Сталина, предъявлялась искаженная история как всей страны, так и, в частности, литературы. Эту мысль Суварин проводит повсюду: когда ссылается на частичное и сильно усеченное возвращение в лоно русской культуры почти запрещенного ранее Достоевского, которого Суварин именует призрак; подробно и доказательно говорит о цензурировании Горького в советском академическом издании его полного собрания сочинений и в других изданиях⁶³; анализирует изменение оценки тех или иных деятелей культуры в советских энциклопедических изданиях; переводческую политику этого времени⁶⁴ и т. п.

Борис Суварин оказался прозорлив в своих пессимистических оценках «оттепели», воспринятой с энтузиазмом многими как внутри страны, так и за ее рубежами. Для них сам факт публикации мемуаров Эренбурга был знаком существенных перемен, происходивших в жизни советского общества. Как известно, мемуары Эренбурга были восприняты молодым поколением 1960-х в СССР как откровение, поскольку были первым легальным источником сведений о замалчиваемых, десятилетиями находившихся под запретом российских деятелях культуры (М. Цветаевой, О. Мандельштаме, И. Бабеле, А. Таирове, Р. Фальке, С. Михоэлсе, Вс. Мейерхольде и др.), с которыми молодежь знакомилась впервые. В мемуарах говорилось и о почти неизвестных в Советском Союзе западных деятелях искусства от А. Модильяни до Д. Ривера и об известном лишь своим «Голубем мира» П. Пикассо. Первое в СССР искусствоведческое исследование о Пикассо, причем трактующее

⁶² Эренбург И. Г. Люди. Годы. Жизнь. В 3 т. Т. 1. М., 1990. С. 49.

⁶³ Souvarine B. Tragédie des lettres russes. P. 213.

⁶⁴ Ibid. P. 88–89.

его творчество вразрез с господствующей идеологией⁶⁵, — брошюра А. Синявского и И. Голомштока — было опубликовано в 1960 г. благодаря положительному отзыву Эренбурга и его воспоминаниям о французском художнике, включенным в нее. Обложку брошюры украсил «Голубь мира».

Критикуя мемуары Эренбурга, Суварин ставит ему в вину прежде всего лицемерие. Он полагает, что задача, заявленная Эренбургом как уцелевшим свидетелем «оказавшегося под колесами времени» поколения — помочь новому поколению воссоздать историю своей страны, им не достигнута. Имеющие очень низкий культурный уровень комсомольцы (о которых Суварин отзывался весьма пренебрежительно) не способны самостоятельно разобраться в недавней истории своей страны, Эренбург же представляет им ее искаженный образ, сознательно опуская трагические подробности судьбы каждого из портретируемых им писателей и общая о них, таким образом, в лучшем случае полуправду.

Суварин, который обычно разоблачал социалистический строй, политику партии, коммунизм в его советском варианте, в статье о мемуарах Эренбурга в первую очередь обрушивается на самого мемуариста, продолжая видеть в нем человека, пишущего по указке Кремля и абсолютно отказывая ему в искренности. Суварин не принимает во внимание, в каких условиях тот опубликовал свои мемуары, хотя сам часто пишет о засилье цензуры в СССР и должен представлять себе трудности, которые подстерегали книгу Эренбурга со всеми ее «непроходимыми» местами. Известно, например, что при журнальной публикации в «Новом мире» (1960) Твардовский не рискнул пропустить сюжеты об антисемитизме и о Н. Бухарине. Именно в отсутствии этой темы в книге, ведь Бухарин был другом юности Эренбурга и немало помогал ему в первые годы советской власти, Суварин в первую очередь и обвиняет мемуариста.

Казавшийся баловнем судьбы, Эренбург — по-своему трагическая фигура русской советской литературы, и выглядит она неоднозначно. В качестве контраргумента Суварину можно было бы привести отзывы о мемуарах Эренбурга лиц, далеко не заинтересованных в замалчивании трагедии, постигшей русскую советскую литературу, — Алисы Коонен, Надежды Мандельштам, Ариадны Эфрон. Они были написаны в поддержку после нападок на Эренбурга Н. Хрущева, оценившего в марте 1963 г. «Люди. Годы. Жизнь» как «взгляд из парижского чердака на историю советского государства»⁶⁶. Прочитируем письмо Н. Я. Мандельштам: «Ты знаешь, что есть тенденция обвинять тебя в том, что ты не повернул реки, не изменил течение светил, не переломил луны и не накормил нас лунными коврижками. Иначе говоря, от тебя хотели, чтобы ты сделал невозможное, и сердились, что ты делал возможное. Теперь, после последних событий, видно, как ты много сделал и делаешь для смягчения нравов, как велика твоя роль в нашей жизни и как мы должны быть тебе благодарны»⁶⁷.

⁶⁵ См.: Голомшток И. Пляски вокруг Пикассо // Голомшток И. Воспоминания старого пессимиста. Гл. 8 // Знамя. 2011. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/3/go85.html> (дата обращения: 10.10.2017).

⁶⁶ Каверин В. Эпilog. М., 2006. URL: <http://www.litmir.me/bd/?b=153650> (дата обращения: 10.10.2017).

⁶⁷ Цит. по: Фрезинский Б. Я слышу всё: почта Ильи Эренбурга 1916–1967. М., 2006. URL: <http://www.e-reading.link/book.php?book=1032556> (дата обращения: 10.10.2017).

В заключение скажем, что, несмотря на всю свою очевидную пристрастность и возможную субъективность в отношении отдельных лиц, статьи Б.Суварина в «Прев» периода советской «оттепели» и холодной войны, при всей его ненависти к режиму, проникнуты любовью к России, ее народу в лице ее литературы, столь всеобъемлющим знанием которой в то время в СССР мог бы похвастаться далеко не всякий профессиональный литературный критик. Важно отметить, что статьи Суварина о советской литературе появлялись в журнале, читательский контингент которого был чаще всего далек от филологических интересов. Пусть не самый профессиональный и не самый глубокий, но честный и проникательный анализ Суварина существенно расширил границы знакомства западного читателя с советской литературой. В отличие от многих советологов на Западе, Суварин умел различать власть и душимый ею народ, критикуя режим и все связанные с ним ужасы, он сумел рассказать западному читателю о литературных явлениях, скрытых за налетом официоза, и тем самым послужил посредником в межкультурной коммуникации своего времени.

Борис Суварин, хотя и является автором нескольких книг, не художник слова, а публицист и историк. На протяжении всей жизни, умея мастерски читать между строк и внимательно слушать собеседников, он умел извлекать из второстепенных газетных статей и бесед с самыми разными людьми разнообразные факты, касающиеся Советской России. Цитируемые выше заметки о Бабеле и о Горьком показывают, как Суварин-журналист работал на Суварина-историка, который всеми силами пытался открыть глаза Западу, ослепленному идеей революции и тем светом, который исходил с Востока, на страшную правду о тоталитарной России. Как справедливо отметил С.Зенкин, говоря о левых интеллектуалах, к которым, по нашему мнению, бесспорно, принадлежал и Б.Суварин, это «не просто маргиналы, скромно прозябающие на задворках общества; обычно это, напротив, первостепенные деятели культуры, которых она одновременно отторгает (по мотивам или чисто эстетическим, или общественно-политическим) и пытается реинтегрировать... Сами они тоже двойственно относятся к господствующей культуре: чтобы отречься от нее, нужно добиться в ней совершенства, и даже избрав себе удел Иного, они продолжают вести с ней сложную игру соперничества, критики, провокации, продолжают включаться в нее в качестве исключенных»⁶⁸.

На протяжении XX в., по понятным причинам, фигура Суварина привлекала внимание исследователей только на Западе, в среде русской эмиграции и среди советологов во Франции, Англии и США⁶⁹. Незаурядная личность Суварина, пережившего многие тяготы, выпавшие на долю поколения, так или иначе оказавшегося связанным с русской революцией, мировым коммунистическим движением,

⁶⁸ Зенкин С. Жития великих еретиков. (Фигуры иного в литературной биографии) // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 123.

⁶⁹ На русском языке нет ни одной монографии о Б.Суварине, на французском языке ему посвящены следующие работы: *Jacquier Ch.* Boris Souvarine, un intellectuel antistalinien de l'entre-deux-1924–1940. Thèse de doctorat de sociologie / sous la direction d'A. Kriegel; Université Paris X. Nanterre, 1994 (dactylographiée); *Robrieux Ph.* Histoire intérieure du Parti communiste. Paris, 1980–1984; *Panné J.-L.* Boris Souvarine: le premier désenchanté du communisme. Некоторые сведения можно почерпнуть из текстов самого Б.Суварина, прежде всего из его воспоминаний: *Souvarine B.* Souvenirs sur Panaït Istrati, Isaac Babel, Pierre Pascal. Paris, 1985.

а впоследствии с диссидентством, давно нуждается, с нашей точки зрения, в более пристальном внимании со стороны российских исследователей.

References

- Berberova N. *Kursiv moi. Avtobiografiia*. Moscow, Soglasie, 2001, 735 p. (In Russian)
- Chebel d'Appollonia A. *Histoire politique des intellectuels en France (1944–1954)*. In 2 vols. Vol. 2. Bruxelles, Editions complexes Publ., 1991, 343 p.
- Chentalinski V. *La parole ressuscitée: Dans les archives littéraires du K. G. B.* Paris, Laffont, 1993, 462 p.
- Erenburg I. G. *Liudi. Gody. Zhizn'*. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, Sovetskii pisatel', 1990, 646 p. (In Russian)
- Gorki M. *Pensées intempestives: 1917–1918*. Ed. by H. Ermolaev; transl. S. Drablier, L. Nivat. Lausanne, l'Age d'Homme, 1975, 244 p.
- Gribanov A. Boris Nikolaevskii — Isaak Babel' — Boris Suvarin i nekotorye problemy emigrantskoi zhurnalistiki. *Tynianovskii sbornik*. Iss. 11. Deviatye Tynianovskie chteniia. Moscow, OGI, 2002, pp. 453–467. (In Russian)
- Istrati P. *Vers l'autre flamme: La Russie nue*. 17-e éd. Paris, Les Editions Rieder, 1929, 213 p.
- Ivanov-Razumnik R. *Pisatel'skie sud'by*. New York, Pisatel'skii fond Publ., 1951, 60 p. (In Russian)
- Ivanov-Razumnik R. *Tiur'my i ssylki*. New York, Chekhov Press, 1953, 416 p. (In Russian)
- Jacquier Ch. *Boris Souvarine, un intellectuel antistalinien de l'entre-deux-guerres: 1924–1940: thèse de doctorat de sociologie*. Sous la direction d'A. Kriegel, Université Paris X. Nanterre, 1994, dactylographiée, s.p.
- La Critique sociale: Revue des idées et des livres: 1931–1934*. Reimpression. Paris, de la Difference, 1983, 263 p.
- Marcou L. *Le Kominform*. Paris, Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1977, 343 p.
- Panné J.-L. *Boris Souvarine: le premier désenchanté du communisme*. Paris, Laffont Publ., 1993. 491 p. (In French)
- Péguy Ch. *Œuvres en prose complètes*. En 3 vol. Vol. 2. Paris, Gallimard, 1988, 1604 p. (In French)
- Robrieux Ph. *Histoire intérieure du Parti communiste*. Paris, Fayard, 1980–1984, 974 p.
- Rolland R. *Au-dessus de la mêlée*. Paris, Ollendorf, 1915, 163 p.
- Souvarine B. Gorky, Censorship and the Jews. *Dissent*, 1965, vol. 12, no. 1, January, pp. 83–85.
- Souvarine B. Last Conversations with Isaac Babel. *Dissent*, 1982, Summer, pp. 319–330.
- Souvarine B. Les grandes figures de l'Internationale: Maxime Gorki. *Clarté*, 1920, 10 janvier, no. 8, p. 1.
- Souvarine B. Panaït Istrati — Portrait of a Rebel. *Dissent*, 1982, Summer, pp. 342–351.
- Souvarine B. *Souvenirs sur Panaït Istrati, Isaac Babel, Pierre Pascal*. Paris, G. Lebovici. 1985, 150 p.
- Souvarine B. *Staline: Aperçu Historique du bolchévisme*. Paris, Ivrea, 1992, 639 p.
- Souvarine B. *Tragédie des lettres russes*. Préface, présentation et notes de J.-L. Panné. Paris, Pierre-Guillaume de Roux, 2014, 326 p.
- Taimanova T. S., Legen'kova E. A. Kto avtor "Obnazhennoi Rossii"? *Noveishaia istoriia Rossii*, 2012, no. 3 (05), pp. 147–156. (In Russian)
- Vilfrid Ch. Correspondances. Paris: Association des amis de Georges Duhamel et de l'Abbaye de Créteil, 1995, 247 p. (Les Cahiers de l'Abbaye de Créteil. Nouvelle série, vol. 16).
- Zenkin S. Zhitiia velikikh eretikov. (Figury inogo v literaturnoi biografii). *Inostrannaia literatura*, 2000, no. 4, pp. 123–139. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 19 ноября 2017 г.

Рекомендована в печать 30 ноября 2018 г.

Received: November 19, 2017

Accepted: November 30, 2018